

«Грех, который тяготеет над физиками, — то, что они не могут утратить своих знаний».

ОППЕНГЕЙМЕР

*История создателя
ядерной бомбы*

Я — РАЗРУШИТЕЛЬ МИРОВ

Моя жизнь

Леон Эйдельштейн

**Оппенгеймер. История
создателя ядерной бомбы**

«Издательство АСТ»

УДК 539.1:929
ББК 22.383г

Эйдельштейн Л.

Оппенгеймер. История создателя ядерной бомбы /
Л. Эйдельштейн — «Издательство АСТ», — (Моя жизнь)

ISBN 978-5-17-158068-1

Гениальный физик Роберт Оппенгеймер совершенно не интересовался политикой. По его словам, он в первый раз в жизни проголосовал только в 1936 году. Полностью погруженный в науку, он часто поражал друзей и коллег своими странностями. Типичный чудаковатый ученый не предполагал, что политика придет в его жизнь вслед за наукой. Исследования Оппенгеймера относились к теоретической астрофизике, тесно связанной с общей теорией относительности и теорией атомного ядра, ядерной физике. Это привело талантливого физика в Манхэттенский проект, занимавшийся разработкой ядерного оружия... О том, как сложилась жизнь «отца атомной бомбы» и как новое оружие изменило жизнь ученого, читайте в новой биографии Роберта Оппенгеймера. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 539.1:929

ББК 22.383г

ISBN 978-5-17-158068-1

© Эйдельштейн Л.
© Издательство АСТ

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	10
Глава третья	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Леон Эйдельштейн

Оппенгеймер

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Грех физиков заключается в том, что они не могут утратить свои знания. Когда ученый видит нечто, кажущееся ему техническим открытием, он хватается за это «нечто», осуществляет его и только после этого думает о том, какое применение найдет открытие, это происходит после того, как сделано открытие.

Роберт Оппенгеймер

Глава первая

Безоблачное детство

В десять или двенадцать лет у меня было три занятия – минералы, поэзия и чтение, а также архитектура.

Роберт Оппенгеймер

Джулиус Роберт Оппенгеймер родился 22 апреля 1904 года в Нью-Йорке в семье эмигранта, приехавшего в Соединенные Штаты в 1888 году из немецкого городка Ханау, входившего тогда в состав Германской империи. В отличие от большинства эмигрантов, семнадцатилетний Джулиус Селигманн Оппенгеймер сразу же по приезде получил хорошую работу в текстильной компании *Rothfeld, Stern & Co*, принадлежавшей двоюродным братьям его отца. В 1903 году Джулиус-старший стал партнером и женился на высокой голубоглазой красавице Элле Фридман. Физический недостаток – врожденное отсутствие большого и указательного пальцев на правой руке – не препятствовал занятиям живописью, которые Элла совмещала с преподаванием в Барнардском женском колледже. Союз делового человека и утонченной интеллектуалки оказался успешным. Джулиус получил в жены «настоящую леди» (в отличие от англичан, американцы произносят это словосочетание с оттенком иронии), а Элла обрела финансовую стабильность, которой ей не доставало после смерти отца-предпринимателя.

Свадебную церемонию, состоявшуюся 23 марта 1903 года, провел лидер Общества этической культуры Феликс Адлер. Это обстоятельство, имеющее очень большое значение для понимания той обстановки, в которой вырос будущий Отец Атомной Бомбы¹, требует разъяснения. Джулиус и Элла были немецкими евреями, разница между ними заключалась лишь в том, что Элла родилась в Соединенных Штатах. Оба они были приверженцами хаскалы¹ – интеграционного движения, возникшего среди европейских евреев во второй половине XVIII века. Сторонники хаскалы выступали против культурно-религиозной обособленности еврейских общин и видели своим идеалом полное стирание границ между евреями и теми народами, среди которых они проживали. Но если в культурной сфере границы могли стираться довольно быстро, особенно в том гигантском «плавильном котле», который представляли собой Соединенные Штаты, то в религиозной сфере этот процесс шел крайне медленно. Отошедшие от иудаизма евреи не спешили принимать иную веру, а создавали свои светские общественные организации, одной из которых было нью-йоркское Общество этической культуры, созданное философом Феликсом Адлером. «Мы выступаем за полный отказ от молитв и любых иных проявлений ритуала, – объяснял Адлер. – Различные убеждения при единстве действий – вот наша практическая религия... готовая принять и верующих, и неверующих».

Если в Европе к концу XIX века хаскала начала терять популярность (в первую очередь, из-за всплеска антисемитизма), то в Соединенных Штатах интеграционно-ассимиляторские идеи расцвели пышным цветом, особенно в верхних слоях еврейского общества. «Мы не евреи, а американцы», – как бы сказали миру Джулиус-старший и Элла, поручив проведение свадебной церемонии Адлеру. Семья, в которой родился Роберт Оппенгеймер, была далека от еврейских традиций, и нашему герою напоминала о его происхождении только фамилия. Кстати, свое первое имя – Джулиус – он не любил, предпочитая, чтобы его называли Робертом. Иной раз на вопрос: «Что означает буква “J” в вашем имени?» Джулиус Роберт Оппенгеймер мог ответить: «Не знаю».

¹ В переводе – просвещение. – Здесь и далее примечания сделаны переводчиком.

На момент рождения Роберта его матери шел тридцать шестой год. По меркам того времени Элла вышла замуж и родила первенца очень поздно. У других женщин в таком возрасте уже появлялись внуки. Можно представить, какую радость испытывала она при мысли, что у нее наконец-то есть семья и ребенок.

По складу характера Элла была перфекционисткой (возможно, что именно в этом, а не в физическом недостатке, крылась причина столь позднего замужества) и ей хотелось, чтобы ее первенец рос в идеальной среде, благо финансовые возможности это позволяли. Роберта окружали материнская любовь и забота нянек и горничных. Идеальное детство в уютном благополучном мирке, в который из внешнего мира не проникало ничего плохого... «В детстве я не был подготовлен к тому, что в мире существуют жестокость и зло», – сказал однажды Оппенгеймер. Мать он обожал, а к отцу относился, мягко говоря, неоднозначно. Во-первых, Джулиус-старший при всех своих стараниях не дотягивал до уровня своей супруги. Вряд ли его можно было бы назвать вульгарным, но элегантным он не был однозначно, да и воспитание хромало: нет-нет да проявлялся под лощеной маской сын «неудачливого мелкого торговца из средневековой немецкой деревни» (именно так отзывался о своем деде по отцу Роберт). Герберт Уинслоу Смит, школьный преподаватель Роберта, ставший его другом, объяснял натянутые отношения нашего героя с отцом эдиповым комплексом и «вульгарностью делового человека», оказывавшей на Роберта угнетающее действие. Безупречный человек хотел жить в безупречном окружении, из которого Джулиус-старший, к сожалению, выпадал. Разумеется, сыграло свою роль и то, что занятого бизнесом отца ребенок видел гораздо реже, чем мать. Судя по всему, Элла не смогла стать сыну другом, но образцом для подражания она была безусловно. Одна из одноклассниц Оппенгеймера вспоминала, что, когда он говорил о матери, его глаза «горели».

Летом 1909 года Джулиус с семьей побывал на родине, где пятилетний Роберт познакомился со своим дедом Бенджаменом Оппенгеймером и получил от него два ценных подарка – энциклопедию архитектуры и коллекцию минералов. Подарки подталкивают к двум выводам: «мелкий торговец из средневековой немецкой деревни» был весьма образованным человеком (что, в общем-то, не редкость среди еврейских лавочников), а его внук был неординарным ребенком, заслуживающим столь взрослых подарков. По признанию самого Роберта, коллекционирование минералов, архитектура и чтение были главными занятиями его детства. Ну а чем еще заниматься ребенку, встречавшемуся со сверстниками только в воскресной школе Общества этической культуры?

В семилетнем возрасте Роберт начал учиться в начальной школе Общества, куда его приняли сразу во второй класс. Выбор был предопределен. Во-первых, тем, что образование здесь давалось превосходное, а, во-вторых, «новым американским евреям» особенно-то и некуда было податься. Религиозные иудейские школы им не подходили, а в нееврейских американских школах того времени можно было запросто столкнуться с антисемитизмом. И не только в школах. Так, например, президент Гарвардского университета Эббот Лоуренс Лоуэлл в 1922 году пытался ввести квоту на поступление евреев, мотивируя такой шаг... ростом антисемитизма среди студентов. Логика Лоуэлла была следующей – антисемитизм в студенческой среде возрастает с увеличением числа студентов-евреев, если таковых будет мало, то антисемитизм сойдет на нет. Несмотря на все старания Лоуэлла, квоту официально ввести не удалось, но ему удалось принять такие ограничительные меры, как квотирование стипендий по национальному признаку или же возможность отказа абитуриентам в приеме без объяснения причин.

Если обобщить воспоминания одноклассников о Роберте, то картина будет такой: умный, застенчивый, неловкий мальчик, плохо ладивший со сверстниками. Коммуникативные навыки начинают закладываться в раннем детстве, а за пару часов пребывания в воскресной школе вряд ли можно научиться находить общий язык со сверстниками. Ребенок, которым дома все восхищаются, ожидал чего-то подобного и в школе, но там его разносторонние позна-

ния, почерпнутые из книг, не вызвали восторга. Одноклассников раздражала демонстрация интеллектуального превосходства, а педагогам было трудно учить мальчика, значительно опережавшего своих сверстников в развитии. Вот пример того, насколько значительным было это опережение. Двенадцатилетний Роберт вступил в переписку с членами Нью-Йоркского минералогического клуба, которые предложили ему выступить с докладом и были очень удивлены, когда узнали о возрасте мистера Оппенгеймера.

Когда началась Первая мировая война, Роберту было десять лет. Возросший спрос на военную форму (пока еще в Европе, Соединенные Штаты вступили в войну только в 1917 году) дал Джулиусу Оппенгеймеру возможность хорошо заработать на продаже подкладочных материй, и он приобрел большой загородный дом на Лонг-Айленде и парусную яхту.

В 1917 году Роберт перешел в среднюю школу, где познакомился с уже упоминавшимся выше Гербертом Уинслоу Смитом, преподававшим в Школе этической культуры английский язык. Смита заинтересовал эрудированный юный поэт (хотя, скажем прямо, задатков второго Уитмена² у Роберта не было), а ученик потянулся к учителю, который держался с ним просто и вообще не был похож на других преподавателей.

Детство для него закончилось летом 1918 года в летнем лагере для мальчиков на острове Гриндстоун, расположенном на реке Святого Лаврентия близ озера Онтарио. С первых же дней пребывания в лагере Роберта начали травить за его «девчоночьи привычки»: он ежедневно писал домой и не скрывал свою любовь к поэзии, совершенно несвойственную большинству тринадцати-четырнадцатилетних мальчиков. Возможно, все обошлось бы малой кровью, ибо к издевательствам со стороны сверстников Роберту было не привыкать, но он сам невольно подлил масла в огонь. Родители интересовались, как у их сына складываются отношения с другими мальчиками (это был животрепещущий вопрос), и он вдохновенно сочинял подробности, которые должны были их успокоить. Желая подчеркнуть степень близости со сверстниками, он написал в одном из писем, что кто-то из старших говорил с ним о сексе. И тогда Джулиус Оппенгеймер поступил наихудшим образом. Он приехал в лагерь и устроил директору скандал по поводу творящегося здесь «разгула непристойностей». Директор пригрозил ученикам «десятью казнями»³, а те решили наказать ябедника. И наказали его очень жестоко. В один из вечеров Роберта схватили, привели в ледник, где раздели донага, затем вымазали его ниже пояса зеленой краской, привязали к брускам и оставили в таком состоянии до утра. Примечательно, что Роберт не стал сообщать родителям о происшедшем, а предпочел остаться в лагере до конца срока. На первый взгляд это может показаться удивительным, но на самом деле ничего удивительного здесь нет. Отец критиковал Роберта за неумение ладить со сверстниками, причем делал это в довольно резкой форме (потому-то Роберт и врал в письмах о дружбе с другими мальчиками). «Алмаз резал алмаз»⁴ – отец был недоволен неприспособленным к жизни сыном, а сын стеснялся своего вульгарного отца. Мать играла роль буфера и примирителя.

Формулу детства Роберта Оппенгеймера можно представить в следующем виде:

5 безмятежных лет +
+9 плохих лет =
= разочарование.

² Уолт Уитмен (1819–1892) – выдающийся американский поэт.

³ Имеются в виду десять казней, насланных Богом на Египет за отказ фараона освободить порабощенных сынов Израилевых. В переносном смысле выражение «десять казней» означает строгое наказание.

⁴ Английское выражение, аналогичное по смыслу русскому: «нашла коса на камень».

Роберт был разочарован в том мире, в который он только-только вступил, и горечь этого разочарования осталась с ним на протяжении всей жизни.

Глава вторая

Юность

Я настолько сильно люблю химию, что когда меня спрашивают, как можно пробудить в людях интерес к науке, я привычно отвечаю: «Познакомьте их с основами химии».

Роберт Оппенгеймер

Юный Роберт был «чистой доской», на которой можно написать все что угодно. Ему хотелось приложить к чему-то свой замечательный ум, но с точкой приложения он пока еще не определился. И никогда, насколько нам известно, не мечтал стать физиком или химиком, пока не встретился с Августом Клоком, преподававшим эти предметы в Школе этической культуры. Судя по отзывам учеников, Август Клок был таким же неординарным педагогом, как и Герберт Смит. Он любил учеников больше, чем свои предметы и, по выражению Оппенгеймера, «старался пробудить в них вкус к жизни» через занятия наукой. «Ему нравился сам предмет, – вспоминал Оппенгеймер, – ему нравилось вести учеников к знаниям сложной, извилистой и будто бы случайной дорогой, и нравилось восхищение, которое он вызывал у молодежи».

Клоку принадлежит лучшая характеристика Роберта Оппенгеймера (хоть умри, но лучше не скажешь): «Он был настолько гениален, что даже самый выдающийся педагог не мог помешать ему получить образование».

«Пробуждение» началось с физики, к изучению которой Роберт приступил осенью 1919 года, когда перешел в третий класс средней школы. Четвертый класс был выпускным, и в нем преподавалась химия. В наши дни, когда обе эти науки принято изучать параллельно, такой подход кажется немного странным, но для того времени он был в порядке вещей: заложили одну основу, затем приступили к закладыванию другой.

Роберт Оппенгеймер был теоретиком до мозга костей, человеком, способным разработать стройную целостную теорию, оттолкнувшись от одного-единственного факта. От факта, а не от эксперимента. Склонности к работе в лаборатории у Оппенгеймера никогда не было, и об этом еще будет сказано позже. Сейчас же речь идет о том, что прирожденных теоретиков чаще всего привлекает математика, но, видимо, харизма Августа Клока была гораздо сильнее харизмы школьного преподавателя математики, которую наш герой знал хорошо (без этого знания ни физиком, ни химиком не станешь), но делом всей жизни она для него не стала. Впрочем, возможно, причина предпочтения физики и химии заключалась в том, что эти науки «живые», то есть тесно связанные с природой, а математика представляет собой сухую абстракцию.

Знакомство с физикой пробудило интерес к химии. Можно сказать, что началась цепная реакция. Интерес был настолько велик, что Джулиус Оппенгеймер договорился с Клоком о дополнительных занятиях летом 1920 года. Пока его сверстники развлекались на последних школьных каникулах, Роберт все глубже и глубже погружался в химию с физикой. Лучшего отдыха, чем занятия наукой, для него никогда не существовало. Гениальность – это пять процентов врожденных способностей и девяносто пять процентов труда. Открытие может совершиться в один миг, но фундамент под него выстраивается годами.

Мы не расставались пять дней в неделю, – вспоминал Оппенгеймер о лучшем лете в своей жизни. – Тогда меня увлекли электролиты, и я провел несколько экспериментов по изучению проводимости... Я настолько сильно люблю химию, что, когда меня спрашивают, как можно пробудить в людях интерес к науке, я привычно отвечаю: «Познакомьте их с основами химии». Химия выгодно отличается от физики тем, что берет начало в центре природы

вещества, и очень скоро перед вами раскрываются связи между окружающим вас миром и химическими законами. Свои законы существуют и в физике, но они не настолько очевидны и не так доступны пониманию.

О том, насколько велика была его любовь к химии, можно судить хотя бы по тому, что подаренный отцом на шестнадцатилетие одномачтовый шлюп Роберт назвал «Тримети» в честь триметиламина – химического вещества, которое является основным компонентом «запаха моря». Вода сама по себе никакого запаха не имеет, пахнет то, что в ней находится, а тот своеобразный аромат, который ощущается на морском побережье, создается в процессе разложения рыбы. Можно сказать, что Роберт выбрал для названия своего суденышка наиболее подходящее вещество.

Надо сказать, что Джулиус сделал сыну не хороший, а просто идеальный подарок, побудивший равнодушного к физическим упражнениям Роберта к занятиям спортом. Он быстро вошел во вкус и очень скоро плавал по заливу Грейт-Саут с видом заправского моряка. Иногда его сопровождал младший брат Фрэнк, родившийся в августе 1912 года. В детстве восьмилетняя разница в возрасте сводит все общение к встречам за обеденным столом, но у шестнадцатилетнего подростка и восьмилетнего мальчика уже могут быть общие интересы. Роберт был хорошим братом. Он уделял Фрэнку довольно много внимания, переписывался с ним во время отлучек из дома, интересовался его жизнью, тактично давал советы... Короче говоря, родство было скреплено дружбой.

Кроме Фрэнка, с Робертом плавал его единственный школьный друг Фрэнсис Фергюссон, в котором ирландская кровь смешалась с немецкой, а еврейской не было ни капли, но тем не менее он учился в Школе этической культуры (высокая репутация учебного заведения привлекала даже потомков пилигримов⁵). Родители Роберта всячески привечали Фрэнсиса, принадлежавшего к американской культурно-политической элите. Его отец был конгрессменом. Несмотря на все старания последователей хаскалы, их интеграция в американское общество происходила со скрипом – евреи были готовы к слиянию, а вот американцы нет. Дружба с потомком пилигримов открывала перед Робертом дверь в высшее общество, но сам он в момент сближения с Фрэнсисом вряд ли думал об этом, просто тот был единственным из сверстников, с которым у Роберта обнаружились общие интересы. Старший брат Фрэнсиса, Харви, был довольно известным в свое время писателем, популярность которого скакнула вверх после того, как в 1929 году *Paramount Pictures* экранизировала его рассказ «Волчья песня» с Гэри Купером⁶ в главной роли. Сестра Фрэнсиса, Эрн, тоже занималась литературной деятельностью, но ее известность была меньше, поскольку она специализировалась на историко-этнографической тематике. Жили Фергюссоны в Альбукерке, куда отец Фрэнсиса переехал из Алабамы в поисках более прибыльной адвокатской практики (когда-то семья была богатой, но во время Гражданской войны дед Фрэнсиса Сэмпсон, служивший капитаном в армии конфедератов, лишился своего состояния).

В Нью-Йорк Фрэнсиса привело желание поступать в Гарвард. Школа этической культуры считалась постоянным поставщиком абитуриентов для «Оплота Истины»⁷ и обучение в ней существенно повышало шансы на поступление. В 1921 году друзья благополучно стали студентами. Роберт, ясное дело, собирался изучать химию, а Фергюссон выбрал биологию, как наиболее интересную для него и не слишком сложную науку (вообще-то он, подражая сестре и брату, собирался стать писателем).

⁵ «Отцами-пилигримами» называют первых поселенцев, прибывших в начале XVII века из Англии для создания колонии в Северной Америке. Под «потомками пилигримов» имеются в виду американцы англосаксонского происхождения.

⁶ Гэри (Фрэнк Джеймс) Купер (1901–1961) – знаменитый американский киноактер, сумевший пронести свою популярность от заката эры немого кинематографа до начала шестидесятых годов XX столетия.

⁷ Девиз Гарвардского университета: «*Veritas*» (в переводе с латыни – «истина»).

Роберту пришлось отложить учебу на год, потому что он тяжело заболел. Считалось, что он заразился дизентерией во время летней поездки в Европу (по-видимому, родителям хотелось предъявить родне гарвардского студента, ведь в еврейской традиции образование ценится выше богатства). Болезнь протекала настолько тяжело, что с парохода домой Роберта транспортировали на носилках... Встревоженные родители уговорили его повременить с учебой до полного восстановления сил, и он не выходил из дома до весны 1922 года.

Напрашивается вопрос: что это за дизентерия с такими ужасными последствиями? Да, дизентерия – опасное заболевание, могущее привести к смертельному исходу, но если человек идет на поправку, то полностью восстанавливается примерно за месяц, максимум за два, а молодым людям бывает достаточно и двух недель. Можно с большим на то основанием предположить, что заболевание Роберта носило невротический характер. В научной литературе многократно описаны случаи расстройства функции желудочно-кишечного тракта на фоне сильных эмоциональных переживаний, а смена обстановки (школы на университет) не могла не вызвать переживаний у нашего чувствительного героя. В школе ему было не очень-то комфортно, но где гарантия того, что в университете будет лучше? Школа, по крайней мере, находилась в родном Нью-Йорке, и Роберт проводил в ней только шесть-семь часов в день, а в Гарварде придется жить в общежитии... На мысль о невротической природе заболевания наводит не только его продолжительность, но и то, что Роберт во время своего восстановления мог запереться в своей комнате и по несколько дней не выходить из нее. Видимо, состояние его было настолько угнетенным, что родители решили отправить его к Фергюссонам.

Современный Юго-Запад стал, если так можно выразиться, чересчур современным. Но сто лет назад жителям Нью-Йорка он представлялся истинным раем. Теплый климат, чистый воздух, живописные пейзажи и свежие деревенские продукты должны были творить чудеса, да и смену обстановки нельзя было сбрасывать со счетов. Можно только представить, как надоело Роберту сидеть дома. Короче говоря, старые врачи знали, что делали, когда прописывали своим пациентам вместо пилюль и порошков путешествие. В сопровождающие выбрали его бывшего педагога Герберта Смита, который дружил не только с Робертом, но и с Фрэнсисом и был заочно знаком со всеми Фергюссонами. Оппенгеймеры были готовы оплатить Смиту пропущенный семестр, но этому воспротивилось школьное руководство, да и самому Герберту вряд ли хотелось прерывать учебный процесс. Поэтому поездка состоялась во время летних каникул, и рассказ о ней заслуживает вынесения в отдельную главу. Почему? Да потому что у Джулиуса Роберта Оппенгеймера было две любви: физика и пустыня Нью-Мексико⁸. Давайте поговорим о Нью-Мексико, а затем перейдем к физике, ради которой наш герой изменил своей ненаглядной химии.

⁸ Вообще-то пустыня, расположенная на территории американских штатов Нью-Мексико, Техас и Аризона, называется Чиуауа, но ее нью-мексиканскую часть часто называют «пустыней Нью-Мексико». Эта пустыня хорошо известна любителям сериалов «Во все тяжкие» и «Лучше звоните Солу». Самым крупным городом штата Нью-Мексико (но не столицей) является Альбукерке. Официальное прозвище штата Нью-Мексико – «Земля очарования» (на испанском – «*Tierra de Encanto*»).

Глава третья

Tierra de Encanto

На улицах играют дети, способные решить некоторые из моих главных задач по физике, потому что у них есть возможности сенсорного восприятия, которые я давно утратил.

Роберт Оппенгеймер

У любого человека есть какие-то особенные места, в которых ему очень приятно находиться, в которых он заряжается позитивной энергией. Не обязательно, чтобы место было связано с каким-то хорошим воспоминанием, порой достаточно одной лишь комфортной обстановки. У Роберта Оппенгеймера в Нью-Мексико совпали оба фактора: и воспоминания о первой настоящей любви, и умиротворяюще-неспешная провинциальная среда, разительно непохожая на привычную нью-йоркскую суету. Людям свойственно больше всего ценить то, чего им недостает. Роберт никогда не гнался за деньгами, поскольку вырос в обеспеченной семье, сумевшей пронести свое состояние через горнило Великой депрессии⁹. За год до того, как грянул гром, Джулиус Оппенгеймер продал свою долю в бизнесе и вложил полученные деньги в надежные банки (как говорится, кому везет, у того и петух несется). Но комфорт Роберт ценил высоко и потому столь лестно отзывался о Нью-Мексико, точнее, о Альбукерке.

Примечательная деталь – перед отъездом из Нью-Йорка Оппенгеймер спросил Герберта Смита, не могли бы они путешествовать под фамилией Смит, как два брата. Смиуту эта идея не понравилась, но для биографов она очень важна, поскольку доказывает, что наш герой стыдился принадлежности к еврейской нации. Хотел ли он стать «настоящим американцем» или же пытался избежать дискриминации, неизвестно, но тем не менее такое предложение имело место. Современному человеку, далекому от расовых предрассудков и выискивания потаенных корней у окружающих, фамилия Оппенгеймер может представляться сугубо немецкой, но столетие назад все носители немецких фамилий подозревались в еврействе. Что же касается довольно распространенной фамилии Оппенгеймер, то после изданного в 1808 году наполеоновского декрета об обязательности наследственных фамилий¹⁰ ее массово получали евреи, жившие в городе Оппенгейм, находящемся на юго-западе современной Германии (в настоящее время население Оппенгейма составляет около семи тысяч человек, и, наверное, примерно столько же Оппенгеймеров проживает в Соединенных Штатах и Канаде).

В Альбукерке у Роберта появился еще один друг. Фрэнсис Фергюссон, приехавший домой на каникулы, познакомил его с Полом Хорганом, будущим лауреатом двух Пулитцеровских премий¹¹, работавшим в то время в местной газете. Принято считать, что название «Тринити» («Троица»), которое Оппенгеймер дал первому экспериментальному взрыву атомной бомбы, было отсылкой к творчеству Джона Донна¹², но некоторые биографы склонны думать, что на самом деле наш герой имел в виду тот триумвират единомышленников, который сложился летом 1922 года в Альбукерке.

⁹ Великой депрессией называют мировой экономический кризис, начавшийся 24 октября 1929 года с биржевого краха в США и продолжавшийся до 1933 года (окончательно его последствия исчезли в 1939 году).

¹⁰ Действие этого декрета распространялось на оккупированные французами Нидерланды, Бельгию, Люксембург и западногерманскую Рейнскую область.

¹¹ Пулитцеровская премия – одна из наиболее престижных наград Соединенных Штатов в области литературы, журналистики, музыки и театра, основанная по завещанию газетного магната Джозефа Пулитцера (1847–1911). В наше время размер премии составляет пятнадцать тысяч долларов, но это тот случай, когда почет дороже денег.

¹² Джон Донн (1572–1631) – английский поэт-метафизик и проповедник, крупнейший представитель литературы английского барокко.

«Наряду с юмором, Юго-Западу присущи терпимость и дружелюбие, – пишет в книге “Наш Юго-Запад” сестра Фрэнсиса Эрн. – Различия в религии и в моральных стандартах принимаются здесь без критики... Житель Новой Англии, убегающий от общества, которое отрицает власть небес, и южанин, уверенный в незыблемости своих устоев, сливаются здесь воедино и превращаются в людей, забывших о своих социальных различиях и живущих в добром соседстве с людьми любой расы, любого цвета кожи и любого вероисповедования... Любой дом был открытым для любого путника, который был желанным гостем и мог рассчитывать на радушный прием...».

Вам уже захотелось на Юго-Запад? Что ж, поезжайте. Только не забудьте открутить маховик машины времени на сто лет назад, и вы попадете в благословенное место, где разве что реки не текут молоком и медом¹³.

Характеристика, данная Полом Хорганом Оппенгеймеру, стоит особняком среди множества прочих свидетельств, рисующих нам не то интеллектуала-мизантропа, не то интеллектуала-социопата. «Он был самым умным человеком из всех, кого я когда-либо знал, – писал Хорган. – В то время [1922 год] невероятное остроумие сочеталось в нем с легким отношением к жизни и неизменно превосходным настроением... Он был весьма незаурядным и при том крайне обаятельным и простым в общении человеком, обладавшим изысканными манерами... Меня всегда удивляло, когда о нем отзывались, как о высокомерном эгоисте... Я ничего подобного за ним не замечал». Просто не верится, что речь идет о Роберте Оппенгеймере, но тем не менее это так. Время меняет людей, и многое зависит от круга общения. В психологическом плане Оппенгеймер был похож на черепаху, которая при малейшей опасности прячется в свой панцирь. А панцирем ему служили интеллект и вежливость.

Юношам, вырвавшимся на свободу (пусть даже и относительную) из-под неусыпного родительского контроля, положено влюбляться и совершать различные безумства. Первым, но мимолетным увлечением Роберта стала сестра Хоргана Розмари. А затем он влюбился по-настоящему, по-взрослому – в двадцативосьмилетнюю замужнюю даму Кэтрин Чавес Пэйдж, принадлежавшую, как и Фергюссоны, к сливкам альбукеркского общества и дружившую с Эрной, сестрой Фрэнсиса. По отцовской линии Кэтрин имела испанские корни, а испанки не очень-то склонны сдерживать свои чувства. Так что, несмотря на свое недавнее замужество, Кэтрин благосклонно воспринимала те знаки внимания, которые ей оказывал Роберт. А знаки были откровенными: при каждой встрече Кэтрин получала букет цветов, к которому прилагалась хорошая порция комплиментов. Очень скоро дело дошло до совместных верховых прогулок, в ходе которых влюбленная пара якобы открыла неизвестное прежде горное озеро, которое Оппенгеймер назвал именем своей возлюбленной (красивая легенда, не правда ли?). Не нужно удивляться тому, что городской юноша много ездил верхом. Если наш герой увлекался чем-то, будь то плавание на шлюпе или езда на лошадях, то очень быстро осваивался. Неуклюжесть или, точнее, «неспортивность» Роберта были обусловлены не физическими особенностями его организма, а отсутствием потребности. Зачем бегать с мячом или прыгать с ракеткой в руке, если можно прочесть что-то интересное?

Кэтрин стала для Роберта тем, чем Лаура была для Петрарки – воплощением идеальной женщины. Любовь Роберта была скорее поклонением, нежели физической страстью, и вряд ли во время их длительных и частых прогулок он пытался переходить границы дозволенного. Воспринимала ли Кэтрин его чувства всерьез? Если даже и не воспринимала, то никак не показывала этого. Флирт – не измена, а пикантная приправа к жизни, разве не так? Эта история будет иметь продолжение, а пока что Роберт получил то, чего ему всегда не хватало: он

¹³ «И сказал Господь: Я увидел страдание народа Моего в Египте и услышал вопль его от приставников его; Я знаю скорби его и иду избавить его от руки Египтян и вывести его из земли сей в землю хорошую и пространную, где течет молоко и мед, в землю Хананеев, Хеттеев, Амореяв, Ферезеев, Евеев и Иевусеев» (Исход, 3:7–8).

стал более раскованным и уверенным в себе. Как сказали бы в наше время – «перестал зажиматься». Ранчо отца Кэтрин «Лос-Пинос» («Сосновое»), расположенное к северу от столицы штата Санта-Фе, стало местом, в котором, по словам Смита, «Оппенгеймер впервые в жизни почувствовал, что его любят, ценят и восхищаются им».

Если бы Оппенгеймера попросили выразить свое отношение к Нью-Мексико формулой, то, скорее всего, она имела бы следующий вид:

Свобода + Любовь = Нью-Мексико

Свобода не случайно стоит на первом месте, потому что ощущение свободы, оставшееся от эпохи первопроходцев, доминировало над всем остальным. В Нью-Мексико все было как-то проще и дышалось здесь привольнее, чем в Нью-Йорке, как в прямом, так и в переносном смысле.

Tierra de Encanto не просто очаровала Роберта Оппенгеймера, она взяла его в плен и не отпускала до конца жизни.

С подачи Кэтрин Пэйдж наш герой обзавелся коттеджем, расположенным неподалеку от ее ранчо. Сначала снял на длительный срок, а по истечении его купил. Коттедж был сложен из бревен и сырцового кирпича¹⁴, поэтому его прозвали «хижиной». «Официальное» название «Перро Калиенте» в переводе с испанского означало «горячая собака». История происхождения названия была следующей. Когда Кэтрин спросила Роберта, нравится ли ему коттедж, тот воскликнул: «Хот-дог!»¹⁵

¹⁴ Сырцовый кирпич производится из смеси глины и песка, которая не обжигается, а высушивается. В России аналогичный строительный материал называют саманом.

¹⁵ *Hot dog* дословно переводится с английского как «горячая собака».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.